

Очередной выпуск сборника освещает современное состояние проблемы возникновения Новгорода, различные аспекты его политической и экономической истории. Значительная группа статей посвящена анализу археологических открытий последних лет. В числе новых вводимых в оборот источников — материалы исторической географии, западноевропейские документальные свидетельства, памятники архитектуры и живописи. Статьи сборника охватывают историю Новгорода с IX в. до современности.

Издание рассчитано на историков, археологов и краеведов.

Редакционная коллегия:

Б. В. АНАНЬИЧ, В. Ф. АНДРЕЕВ (*ответственный секретарь*),
В. Д. ВАСИЛЬЕВ, Н. Е. НОСОВ, В. А. ШИШКИН, чл.-кор. АН СССР
В. Л. ЯНИН (*ответственный редактор*)

Рецензенты

А. И. КОПАНЕВ, В. В. МАВРОДИН

Е. Н. Носов

**НОВГОРОД И НОВГОРОДСКАЯ ОКРУГА IX—X вв.
В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ
(К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ НОВГОРОДА)**

Нигде происхождение города не изображается более его собственной местностью, как происхождение Новгорода Великого...

Н. Н. Муравьев, 1828 г.

Проблема происхождения Новгорода принадлежит к числу важнейших и в то же время наиболее сложных тем начальной истории Древнерусского государства. Она распадается на два основных круга вопросов: вопросы историко-топографического характера и вопросы формирования социально-политической структуры Новгородской феодальной республики и ее места в истории древнерусской государственности. Решение первой группы вопросов основывается в настоящее время главным образом на изучении постоянно пополняющихся археологических материалов, второй — на анализе в первую очередь письменных источников.

В статье мы ставим своей целью рассмотреть историко-топографические данные о древнейшей истории Новгорода и его округа, а также вопросы этнической принадлежности первых обитателей города, не касаясь как предмета специального исследования вопросов социально-политической структуры столицы Северной Руси.

В историко-археологической и краеведческой литературе на роль «старого города» по отношению к Новгороду обычно выдвигались три центра: Городище — резиденция новгородских князей, располагавшаяся в 2 км от города, Старая Ладога и Старая Русса. Некоторые исследователи связывали появление названия Новгорода с переносом центра города внутри его собственной территории или с обрастанием первоначального ядра города большим поселением. В основном эти предположения высказываются и в наши дни. Так, в послевоенное время центром, предшествовавшим Новгороду, называли Городище М. К. Каргер и И. Н. Воронин,¹ о та-

¹ Каргер М. К. 1) Новгород Великий. М., 1946, с. 10; 2) Основные итоги археологического изучения Новгорода. — СА, 1947, т. IX, с. 148; 3) Новгород. 4-е изд. Л., 1980, с. 13; Воронин И. Н. 1) Древнерусские города. М.; Л., 1945, с. 35; 2) Поселение. — В кн.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951, т. I, с. 201.

кой же роли Старой Ладогги писали В. И. Равдоникас и А. В. Арциховский, С. И. Орлов и В. В. Мавродин.² Мнения, что Новгород образовался на базе более древних «городков», располагавшихся на его территории, придерживаются В. Л. Янин, М. Х. Алешковский, И. И. Кушнир, Г. Ловмянский.³ Лишь предположение, что город назван новым по отношению к Старой Руссе (так считали в свое время А. А. Шахматов и С. Ф. Платонов), в литературе больше не встречается.⁴ В то же время Б. А. Рыбаков высказал мысль, что Новгород был основан как далекая северная фактория Киева, как «действительно „новый город“, крепостица, поставленная на стратегически важной развилке разбойных и торговых путей».⁵ Близких взглядов придерживается А. В. Куза, связывающий возвышение Новгорода с появлением там киевской «засады».⁶

Наиболее аргументированной из всех названных является точка зрения В. Л. Янина и М. Х. Алешковского, которым принадлежит пока единственное в русской и советской историографии специальное исследование о возникновении Новгорода,⁷ где авторы используют ретроспективный метод исследования, проецируя на IX—X вв. картину, воссозданную ими главным образом на материалах времен расцвета Новгорода XII—XV вв., и опираются в основном на письменные свидетельства и городскую топонимику. «Ретроспективные реконструкции» они предприняли в трех направлениях: топографическом, этническом и социальном, которые, по их мнению, в то же время являются и аспектами другой проблемы — вопроса о взаимоотношении княжеской и республиканской властей в Новгородском государстве.

Согласно точке зрения В. Л. Янина и М. Х. Алешковского, на территории Новгорода, на обоих берегах Волхова, первоначально возникли три укрепленных разноэтничных поселка аристо-

² Равдоникас В. И. Старая Ладога. — СА, 1949, т. XI, с. 6; Арциховский А. В. 1) Раскопки в Новгороде. — КСИИМК, 1950, вып. XXXIII, с. 9; 2) Археологическое изучение Новгорода. — МИА, 1956, № 55, с. 43; Орлов С. И. 1) Старая Ладога, Л., 1949, с. 17, 18; 2) Старая Ладога. Л., 1960, с. 26; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 54, 55.

³ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 372—376; Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). — История СССР, 1971, № 2, с. 32—61; Алешковский М. Х. Повесть временных лет. М., 1971, с. 124, 125; Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е. О датировке вала и рва новгородского острога (в связи с вопросом о формировании городской территории). — СА, 1970, № 4, с. 54—73; Кушнир И. И. Новый город. Где же старый? — В кн.: У древних стен, у Ильмень-озера. М., 1980, с. 601—606; Lowmianski H. Sloweni nadilimenscy i poczatkі Nowogrodu. — Zapiski Historyczne, Torun, 1966, t. XXXI, z. 2, str. 7—41.

⁴ Медведев А. Ф. Из истории Старой Руссы. — СА, 1967, № 3, с. 265—286.

⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966, т. 1, с. 628—630; Рыбаков Б. А. 1) Город Кия. — ВИ, 1980, № 5, с. 35; 2) Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982, с. 527, 530 и сл.

⁶ Куза А. В. Новгородская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 173.

⁷ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 35, 36.

кратии трех племен — словен, кривичей и мери, являвшиеся центрами принадлежавшей каждому из них округи. Политическое объединение поселков привело к созданию общего административного центра — Детинца (Нового города), на территории которого находились языческое капище, кладбище и место вечевых собраний, что «характеризует эту территорию как местопребывания древнего племенного (или межплеменного) центра». Указанная разнотипная федерация, по мнению авторов, существовала до призвания варягов, и еще до них образовался центр этой федерации, а события, дошедшие до нас в легенде об этом призвании, реально имели место непосредственно на территории самого Новгорода.⁸

Характер социально-политического строя древнего Новгорода В. Л. Янин и М. Х. Алешковский объясняют исходя из предложенной ими схемы процесса славянского расселения, согласно которой появление славян на севере и северо-востоке Руси было связано с «зарождением классовых форм эксплуатации в киевском обществе, от которой население и бежит на север и северо-восток в поисках новых территорий». «Однако и уйдя сюда, на свободные земли, это население, — как считают авторы, — не смогло освободиться от зависимости, и поэтому переяславские, черниговские и киевские князья имеют определенные позиции в „своих“ далеких колониях», но в Новгороде укрепить свое положение киевские князья не смогли, «хотя без них нельзя обойтись и здесь в условиях вечевого строя».⁹

В. Л. Янин и М. Х. Алешковский полагают также, что основу первоначальных поселков-концов в городе составляли боярские патронимии и основная масса населения города жила не в самостоятельных дворах, а в усадьбах крупных землевладельцев.¹⁰

Предлагаемая авторами «модель происхождения Новгорода из политического центра одной из предгосударственных федераций» (племенного или межплеменного центра) позволяет понять, как они полагают, и происхождение южнорусских городов, в частности Киева: «Все эти первые города возникали не вокруг княжеских замков и не из ремесленно-торговых поселений, которые рисуются обычно историками в некотором отрыве от картины зависимости первых ремесленников и торговцев от их хозяев-землевладельцев. В городах только с течением времени появились княжеские крепости, а во многих из них княжеские дворы были экстерриториальны по отношению к первоначальному вечевому ядру этих городов. И ремесленно-торговыми центрами первые города стали только по мере накопления продуктов дани и грабежа соседних земель, которые надо было обрабатывать и реализовывать среди населения городской округи. Первые города — это еще поселения сельского типа, возникающие вокруг центральных

⁸ Там же, с. 38—55.

⁹ Там же, с. 45—47.

¹⁰ Там же, с. 55—59.

капищ, кладбищ и мест вечевых собраний, иными словами, вокруг погостов, где со временем стали оседать полномочные участники и руководители вечевых собраний больших округ». Это были также и центры сбора дани с окрестного населения.¹¹

Концепция В. Л. Янина и М. Х. Алешковского получила широкое распространение в историографии. Многие их общие и частные выводы и наблюдения активно используются исследователями, занимающимися историей Древней Руси, особенно историей русского города.¹² В дальнейшем В. Л. Янин, хотя и внес некоторые поправки в свою концепцию, сохранил ее основные положения, о чем свидетельствует его новое исследование 1983 г., где развивается прежняя мысль об образовании «Нового города» на базе грех разноэтничных городков, «заклучивших между собой политический союз».¹³

Из археологов первым к специальной оценке точки зрения В. Л. Янина и М. Х. Алешковского обратился А. В. Куза, который отметил отсутствие, по его мнению, археологических данных, подкрепляющих указанные ретроспективные построения. А. В. Куза считает, что на месте самого Новгорода не обнаружено следов жизни ранее X в.; ни в городе, ни поблизости от него нет обширного языческого некрополя, подобного открытым вокруг большинства старейших русских городов (Киева, Чернигова, Смоленска, Полоцка, Любеча и др.); не окружают Новгород и более мелкие городища—крепости и убежища; найденные в городской черте клады зарыты в землю не ранее середины X в.; восточные авторы не упоминают Новгород, через земли которого шел основной поток арабских монет.¹⁴

¹¹ Там же, с. 60, 61.

¹² *Фадеев Л. А.* Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов.— В кн.: *Русский город (историко-методологический сборник)*. М., 1976, с. 17, 21; *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья.— Там же, с. 38, 48; *Алексеев Ю. Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины).— *ИЗ*, 1979, т. 103, с. 242—274; *Седов В. В.* Этнический состав населения Новгородской земли.— В кн.: *Финно-угры и славяне*. Л., 1979, с. 77, 78; 2) *Восточные славяне в VI—XIII вв.* М., 1982, с. 242, 243; 3) *Начало городов на Руси*.— В кн.: *Древнерусское государство и славяне*. Минск, 1983, с. 52; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Л., 1980, с. 154, 227, 228, 230, 232; *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980, с. 10, 11; *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981, с. 180; *Куза А. В.* О происхождении древнерусских городов (история изучения).— *КСИА*, 1982, № 171, с. 12; *Андреев В. Ф.* Северный страж Руси. Л., 1983, с. 21—22, и другие работы.

¹³ *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с. 217—232; *Янин В. Л., Колчин Б. А.* 1) *Итоги и перспективы новгородской археологии*.— В кн.: *Археологическое изучение Новгорода*. М., 1978, с. 41—48; 2) *Археологии Новгорода 50 лет*.— В кн.: *Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода*. М., 1982, с. 104—111; *Рыбина Е. А.* Новгородский семинар на кафедре археологии МГУ.— Там же, с. 330; *Янин В. Л., Рыбина Е. А.* Открытие древнего Новгорода.— В кн.: *Путешествия в древность*. МГУ, 1983, с. 128—134 и сл.

¹⁴ *Куза А. В.* Новгородская земля, с. 171, 172.

Основываясь на этом, А. В. Куза считает, что «становление Новгорода и появление в нем представителей киевского князя — почти одновременно», а поэтому превращение города «в центр Северо-Западной Руси явилось следствием объединения северо-русских земель с Югом в конце IX—начале X в., что потребовало создания соответствующего военно-административного аппарата, обеспечивавшего господство „Русской земли“ и ее столицы над всеми остальными территориями. Решением этой задачи и явилось возвышение Новгорода с киевской „засадой“, сосредоточившей в себе указанные функции».¹⁵

Ряд замечаний относительно точки зрения В. Л. Янина и М. Х. Алешковского высказал и Г. С. Лебедев, отметив, что «интересное построение пока не подтверждено археологически». Вместе с тем он не согласился и с мнением А. В. Кузы, что «Новгород был основан киевскими князьями, поставившими под контроль северные земли в конце IX—начале X в.». В числе поселений, предшествовавших Новгороду, Г. С. Лебедев назвал Рюриково городище — торгово-ремесленный поселок на месте резиденции новгородских князей, и поселения, которые, возможно, находились на холмах на территории самого города.¹⁶

Археологические раскопки Новгорода, развернувшиеся с начала 30-х гг. XX в., внесли особую остроту в изучение вопросов становления города. Дело в том, что стремление отыскать в Новгороде слои, синхронные древнейшим сообщениям письменных источников, — задача, поставленная еще в 1932 г. А. В. Арциховским и М. К. Каргером при первых раскопках города,¹⁷ натолкнулось на неожиданные трудности: таких слоев найти не удалось, несмотря на то что исследователи, особенно в довоенное время, закладывали раскопы в тех частях города, которые казались им наиболее перспективными в этом отношении. По публикациям материалов раскопок нетрудно проследить, как менялись взгляды исследователей на месторасположение древнего ядра города в зависимости от негативных (в интересующем нас отношении) результатов раскопок на Славне, на Ярославовом дворище, в Кремле.¹⁸

¹⁵ Там же, с. 173.

¹⁶ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978, с. 90—94.

¹⁷ Арциховский А. В., Каргер М. К. Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом. — ПИМК, 1933, № 1—2, с. 62, 64.

¹⁸ Там же; Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К. 1) Раскопки на Ярославовом Дворище. — Новг. истор. сборник. Новгород, 1938, вып. 3—4, с. 205; 2) Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 году. — Там же, 1939, вып. 5, с. 3—17; Строков А. А., Богусевич В. А. 1) Предварительный отчет о раскопках в Новгороде в 1939 г. (южная часть Кремля). — Там же, 1940, вып. 7, с. 3—18; 2) Новгород Великий. Л., 1939, с. 237—250; Строков А. А. 1) Дохристианский могильник. (По данным археологических раскопок на Ярославовом дворе). — Новг. истор. сборник. Новгород, 1939, вып. 6, с. 53; 2) Раскопки в Новгороде в 1940 г. — КСНПМК. 1945, вып. XI, с. 63—73; Каргер М. К. Основные итоги..., с. 137—167; Арци-

Особенно показательны в этом плане общие итоги археологического изучения города, которые в 1956 г. подвел руководитель Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховский. «Итак, раскопки доказали, что Новгород возник в начале X в., — заключил А. В. Арциховский, — слоев VIII и IX вв. в Новгороде нет, вопреки ожиданиям ученых и в полном соответствии с названием города», «неизвестно, будет ли где-либо в Новгороде найдено поселение IX в. или более раннее. В городе еще много нераскопанных участков. Но одно ясно: города в IX в. еще не было. На нераскопанных участках ему просто негде поместиться. Могло быть небольшое поселение». А. В. Арциховский отметил, что «небольшое наслоение IX в.» площадь в несколько метров («следы» одного дома) было открыто в 1948 г. на Ярославовом дворище. «Археологически объяснено теперь имя города, всегда казавшееся странным», — писал А. В. Арциховский. По его мнению, «наиболее основательным претендентом на звание старого города является Старая Ладога», а «в начале X в. центр передвинулся, по-видимому, с низовьев Волхова на верховья».¹⁹

В последующие годы интенсивные археологические исследования Новгорода продолжались, причем в целях охраны культурного слоя в местах современного строительства раскопы закладывались в различных частях города. «На протяжении последних лет, — констатировал В. Л. Янин в 1977 г., — раскопки были проведены на четырнадцать участках, расположенных как в центре, так и на периферии Новгорода (в пределах его валов), и только на трех из них были обнаружены древнейшие прослойки X в. На остальных, часть которых находится даже в центральных районах, жизнь началась не ранее XI, XII, XIII, а порой и в XIV в.».²⁰ В связи с этим В. Л. Янин даже предположил, что «участков города, которые были освоены жилой застройкой в IX в.», «найти не удастся вообще».²¹ Как мы видим, эти выводы аналогичны заключению А. В. Арциховского о хронологии культурных отложений Новгорода, однако, в отличие от А. В. Арциховского, В. Л. Янин полагает, что слои IX в. в городе имелись, но они трудноразличимы, поскольку на ранних этапах его существования (при отсутствии замощения) оказались перемешанными с более поздними отложениями.²²

Этот довод вызывает возражения. Если обратиться к Старой Ладоге, где культурный слой по сохранности и структуре аналогичен новгородскому, где также нет замощения, но слоям X в.

ховский А. В. 1) Раскопки на Славне в Новгороде. — МИА, 1949, № 11, с. 119—151; 2) Раскопки в восточной части Дворища в Новгороде. — Там же, с. 152—176.

¹⁹ Арциховский А. В. 1) Археологическое изучение..., с. 15, 42, 43; 2) Раскопки в Новгороде, с. 8, 9.

²⁰ Янин В. Л. Очерки..., с. 216.

²¹ Янин В. Л. Возможности археологии в изучении древнего Новгорода. — Вестн. АН СССР, 1973, № 8, с. 67—70.

²² Янин В. Л. Очерки..., с. 229.

предшествуют более ранние слои, то последние имеют обычную стратиграфическую чистоту. Кроме того, ненарушенность стратиграфии нижних горизонтов Новгорода подтверждается четким статистическим соотношением гончарной и лепной керамики в древнейших ярусах, которое показывает, как лепная посуда постепенно убывает с доярусного слоя и полностью исчезает к концу X в.²³ Поэтому мы полагаем, что если на территории Новгорода удастся обнаружить слои, более ранние, чем X в., то их характер будет выражен так же определенно, как характер более поздних слоев.

В настоящее время при раскопках города лишь на Софийской стороне — на Перевском и Троицком раскопах — выявлены слои, четко датирующиеся дендрохронологически и по типологии находок серединой X в., ниже которых имеются напластования, позволяющие отнести начало заселения этих участков еще на два-три десятилетия ранее.²⁴ Иначе говоря, на данном этапе археологического изучения Новгорода отсутствие в городе слоев IX в., в том числе в ряде его ключевых точек, является фактом, с которым нельзя не считаться.

Рассмотрим более подробно основные историко-археологические положения концепции В. Л. Янина и М. Х. Алешковского. Важнейшим из них является определение этнического состава жителей города, т. е. установление того, «был ли первоначальный Новгород одноэтническим или разноэтническим городом; иными словами, должны ли мы в изначальной структуре его государственной организации видеть племенной или межплеменной центр».²⁵ Исследователи признали межплеменной характер Новгорода.

Здесь следует уточнить постановку проблемы. У В. Л. Янина и М. Х. Алешковского речь идет не просто о присутствии среди жителей города разноплеменных групп населения (этот факт в отношении столицы Северной Руси вряд ли может подвергаться сомнению), а о том, что разноэтничность была характерна для Новгорода изначалью, причем этнически отличные группы населения жили обособленно друг от друга в трех поселках — городках.

Основным аргументом, подтверждающим указанное положение, для В. Л. Янина и М. Х. Алешковского служит предложенное ими и существенно отличающееся от предшествующей историографии (имеем в виду работы А. А. Шахматова, Б. А. Рыбакова, А. Н. Насонова и др.)²⁶ прочтение легенды о призвании ва-

²³ Носов Е. Н. Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тысячелетия н. э.: Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 11, 12 (подсчеты проведены по данным Г. П. Смирновой (Лепная керамика древнего Новгорода. — КСИА, 1976, вып. 146, с. 10)).

²⁴ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги..., с. 43.

²⁵ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 42.

²⁶ Литература по данному вопросу огромна: Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. — Изв. ОРЯС. СПб., 1904, т. IX, кн. 4, с. 325—333; Насонов А. П. «Русская земля» и образование территории Древнерусского

рягов. Авторы считают, что в летописной «новгородской персии» этой легенды речь идет не о племенах словен, кривичей и мери (по их мнению, на Севере Руси этнически однородных племен, подобных полянам, дреговичам, северянам, вообще не существовало, а было смешанное население, жившее чересполосно), а о городском населении центра разнотнической федерации, в котором различные по своему этническому происхождению группы населения (словене, кривичи, меря) живут обособленно в трех городках, платят дань варягам, изгоняют их, враждуют между собой, строят города, наконец, призывают варяжских князей. Такое единство и сплоченность действий «могли быть проявлены словенами, кривичами и мерянами только в том случае, если они были не отдельными племенами, а отдельными частями одного города, которые уже не могли разойтись, а вынуждены были развиваться вместе и потому не нашли иного выхода, как в призвании князя, облеченного задачей примирить враждующие стороны».²⁷

Подобное толкование варяжской легенды представляется нам спорным, поскольку при таком прочтении поволжские финно-угры (=меря) оказываются в IX в. одним из трех обособленных контингентов новгородского городского населения.²⁸ И отнюдь не случайно в других своих работах авторы сами же изменяют этот конечный вывод. Так, в исследовании 1971 г. М. Х. Алешковский делает оговорку, что, «конечно, Новгород только в самые первые десятилетия своего существования представлял собой три разнотнических поселка, потом их население перемешалось, стало славянским, а память о первоначальной разнотничности сохранилась только в названиях концов и улиц». И далее еще более ограничительно: «Больше того, думается, что в каждом из трех поселков жили славяне, но одни из них были связаны с данью, шедшей от кривичей, другие получали ее от мери и т. д.»²⁹ (курсив наш. — Е. Н.). Позднее М. Х. Алешковский вообще писал о «чисто славянском населении первоначальных поселков».³⁰ Но тут следует заметить, что если вообще исключить вопрос о разнотничности древнейшего Новгорода (или исключить мерю из числа жителей города), как предлагает М. Х. Алешковский, то тогда использовать летописные известия о призвании варягов в их целом объеме в качестве исходной посылки для авторской концепции по существу нельзя.

государства. М., 1951, с. 69 и сл.; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, с. 30—38; и т. д.

²⁷ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 53.

²⁸ М. Х. Алешковский допускал, что «озеро Илмер также названо мерянскими выходцами» (Алешковский М. Х. Повесть временных лет, с. 125). Это полностью противоречит заключениям топонимистов, которые убедительно выводят название озера не от племенного названия, а из прибалтийско-финских языков как «озеро, определяющее состояние погоды» (Попов А. И. Следы времен минувших. Л., 1981, с. 46, 47).

²⁹ Алешковский М. Х. Повесть временных лет, с. 125.

³⁰ Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV веков. — СА, 1974, № 3, с. 102.

В. Л. Янин тоже изменил свою точку зрения. Он высказал предположение, что мера в летописном сказании о призвании варягов появилась в результате «искажения» этнонима «морова» (поромы) — названия одного из чудских племен.³¹ Мы сомневаемся в возможности подобной летописной «ошибки», поскольку на начальных страницах русских летописей словене, кривичи и мера, в отличие от моровы (поромы), упоминаются в одном контексте неоднократно, что не случайно.

Что же дают нам собственно археологические данные для решения вопроса об этническом составе новгородцев? Материалы X—XV вв., полученные при раскопках Новгорода, свидетельствуют о единстве городской материальной культуры. Показательно, что если сравнить Новгород и Белоозеро, значительный городской центр на северо-восточной окраине Древней Руси, имевший смешанный славяно-финский состав населения, то их материалы существенно различаются. В Белоозере разноэтничность состава жителей наложила отпечаток на различные стороны жизни города — хозяйство, быт, культуру.³² В Новгороде следы подобной разноэтничности не прослеживаются. Конечно, здесь также обнаружены разнообразные по своему происхождению находки, в том числе финно-угорские, как приладожские, так и прибалтийско-финские, балтские, скандинавские, однако общей этноэтнической вуали, как в Белоозере, не наблюдается.

В. Л. Янин и М. Х. Алешковский отказались от привлечения украшений из культурного слоя Новгорода для выводов этнического порядка, справедливо указав на характерную для города и вызванную движением моды «нивелировку» подобных находок.³³ Однако другие исследователи попытались сделать такую работу. В своде ювелирных изделий Новгорода X—XV вв. М. В. Седова отмечает, что «ранние балтские и западнофинские предметы» обнаружены только в Неревском раскопе (речь идет приблизительно о 30 находках из слоев X—XIII вв.). Это, по ее мнению, подтверждает мысль о сложении города на основе разноплеменных поселков.³⁴ Мы полагаем, что отмеченный факт говорит о другом. Неревский раскоп является самым значительным в городе и по своей площади (около 10 000 кв. м) превосходит все остальные новгородские раскопы почти в два раза, а раскопы Торговой стороны, в основном расположенные в Славенском конце, — в три раза. Если учесть изученность слоев X—XI вв., то указанная диспропорция будет еще больше, поскольку эти древнейшие напластования, представленные на Неревском раскопе, отсутствуют на ряде других. Так, на крупнейшем в Славенском конце Ильинском раскопе, где вскрыто 1430 кв. м площади, нижние горизонты датируются лишь серединой XI в. На Нерев-

³¹ Янин В. Л. Очерки... с. 219, 220.

³² Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973, с. 82, 83, 155, 156, 198 и др.

³³ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 42.

³⁴ Седова М. В. Ювелирные изделия... с. 180.

ском раскопе найдено 75% всех изделий из цветных металлов, учтенных М. В. Седовой по всему городу (1853 из 2447).³⁵

Наибольшее количество находок на Неревском раскопе по сравнению с другими раскопами, а также наличие только здесь тех или иных категорий предметов, в том числе как неславянского происхождения (указанных М. В. Седовой), так и сугубо славянских височных колец и лунниц, связаны, по нашему мнению, в первую очередь с огромными размерами вскрытой площади. Мы имеем в виду тот факт, что в пределы раскопа попал целый жилой район города, включивший полностью исследованные усадьбы с жилыми домами, хозяйственными строениями и ремесленными мастерскими, улицы и пустырь, т. е. территории с разной насыщенностью находками. На небольших раскопах число находок — во многом дело случая и зависит от участка, на который попал раскоп (центр усадьбы, задворки, пустыри и т. д.).

Полагаем, что выявление этнической принадлежности населения городских районов можно делать лишь на основе изучения целостных комплексов находок из отдельных построек и усадеб (к сожалению, для Новгорода предприняты лишь первые шаги в этом направлении³⁶). Простое же сопоставление раскопов по количеству найденных вещей тех или иных типов, относимых к числу этнически определяемых, ничего само по себе не доказывает, тем более что и трактовать встречаемость таких предметов в городе можно по-разному. Не будем забывать и то, что Новгород являлся крупным ремесленным центром, продукция которого, в том числе «чуждые» древности, расходилась на далекие расстояния от столицы Северной Руси.³⁷

Сложность привлечения украшений, найденных в городе, для этнических выводов наглядно иллюстрирует пример с полыми зооморфными коньковыми подвесками. Подобные украшения по своему происхождению считаются финно-угорскими (их находки на северо-западе Новгородской земли связываются некоторыми исследователями с летописной водью³⁸). В раскопах, расположенных в разных частях Новгорода, встречено 50 таких подвесок, не считая фрагментов, которые изготавливались новгородскими ремесленниками и были в обиходе у жителей города.³⁹ «Такая концентрация зооморфных украшений одной формы, — пишет Е. А. Рябинин, — резко выделяет Новгород из числа всех поселений Восточной Европы». Новгородские находки составляют 32% коньковых полых подвесок, известных на всей территории Древ-

³⁵ Там же, с. 6.

³⁶ Там же, с. 181—182; Голубева Л. А., Варенов А. Б. Полые коньки-амулеты Древней Руси. — СА, 1978, № 2, с. 229, 231.

³⁷ Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. Л., 1981, с. 53 (САИ; Вып. Е1-60).

³⁸ Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). — СА, 1953, т. XVIII, с. 198—199.

³⁹ Седова М. В. Ювелирные изделия..., с. 31, 34, 181; Рябинин Е. А. Зооморфные украшения..., с. 39—42.

ней Руси, и превосходят по числу аналогичные подвески из многотысячных курганов Водской пятины.⁴⁰

Из этих фактов исследователи делают совершенно противоположные выводы. Е. А. Рябинин считает, что часть стандартных серий подвесок (63% определяемых древнерусских находок) изготовлялась в самом Новгороде и расходилась оттуда на широкие территории, будучи популярными в финно-угорской среде.⁴¹ М. В. Седова придерживается иной точки зрения. Она приводит заключение А. А. Копвалова, основанное на анализе металла подвесок Новгорода и курганов Ижорского плато, который показал их существенное различие и пришел к выводу, что «новгородские ювелиры производили эти украшения для нужд городского населения и не сбывали свою продукцию в Водской пятине: там украшения делали местные сельские мастера».⁴² Считая полые коньковые привески характерными для води и учитывая определение А. А. Коновалова, М. В. Седова полагает, что «с конца XII в. заметную роль в городском населении начинают играть выходцы из земель води и «к XIII—XIV вв. „чуждское“ водское население селилось в городе повсеместно и составляло значительный процент его обитателей».⁴³ Наблюдения А. А. Коновалова существенно ограничивают основное заключение Е. А. Рябининой, но если отказаться от него, остается по-прежнему непонятным значительное преобладание полых шумящих подвесок в Новгороде по сравнению с находками в многотысячных курганных кладбищах сельского населения Водской пятины, что и пытался объяснить Е. А. Рябинин (предположение М. В. Седовой об увеличении водского населения в городе также нельзя признать удовлетворительным для разъяснения указанной диспропорции в количестве находок). Закономерно встает вопрос: являлись ли вообще многочисленные шумящие новгородские подвески XIII—XIV вв. строгим этническим показателем? Вполне возможно, что эти подвески, финно-угорские по своей семантике, вошли в узор средневековых новгородок, характеризующийся обилием различных металлических привесок, связанных с языческими представлениями, уже не неся прямой этнической нагрузки. В этом и сказывался «интерпационализм» как городской материальной культуры, так и древнерусской культуры Новгородской земли.

Предполагаемая этническая трехчленность Новгорода подтверждается, по мнению исследователей, и названиями его древнейших концов: Славенского — от живших там словен, Неревского — от финно-угорского населения (мери или моровы (поромы)),

⁴⁰ Рябинин Е. А. 1) Зооморфные украшения..., с. 39 и сл.; 2) Новгород и северо-западная область Новгородской земли (Культурные взаимодействия по археологическим данным). — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 51—60.

⁴¹ Рябинин Е. А. 1) Зооморфные украшения..., с. 39, 42, 53; 2) Новгород..., с. 59—61.

⁴² Седова М. В. Ювелирные изделия..., с. 181.

⁴³ Там же, с. 34, 181.

а о этнической принадлежности обитателей Людина конца, в наименовании которого нет этнической основы и с которым связывается «балтийско-славянский контингент паселепия» — кривичи, свидетельствует название его главной улицы — Прусской.⁴⁴

Вопрос о появлении названий городских концов Новгорода до сего времени не выяснен в литературе. Так, в наименовании Людина конца Ю. С. Васильев и Д. А. Мачинский видят этническую основу и предполагают появление его названия от веси или какого-то финно-угорского населения, указывая, что «людики» — это самоназвание вепсов и карел-людиков.⁴⁵ В то же время наименование Неревского конца Д. А. Мачинский связывает с летописной поровой—неровой—неромой,⁴⁶ а это племя, как известно, большинство исследователей вслед за Н. П. Барсовым относят к группе балтских племен (М. Хеллман, Э. С. Мугуревич, В. Т. Пашуто, А. В. Куза).⁴⁷ Таким образом, получается, что скорее в Неревском конце жили балты, а в Людином — чудь, а не наоборот. Твердых доказательств здесь нет. Вместе с тем объяснение появления названий городских концов от этнического состава их жителей отнюдь не единственный возможный путь решения данной проблемы. Возникновение этих наименований можно связывать с географическим расположением различных частей города и с основными городскими улицами, дававшими начало загородным путям.

По мнению Е. Антоневича, специально рассматривавшего вопросы появления в Новгороде Прусской улицы, топонимы типа Prusy на пути Рижский залив—Новгород, как и в некоторых других местах, говорят о проникновении сюда пруссов, а «в бассейне Шелони эти наименования являются свидетельством существования этапных пунктов прусской (или, может быть, шире — балтийской) торговли, пути в Новгород во время наибольшей активности пруссов и других балтов». «Последним звеном этого проникновения является уже в самом Новгороде „Прусская улица“, которая «возникла в период наибольшего экономического и политического развития пруссов за несколько десятков лет до прибытия в Пруссию немецкого Ордена».⁴⁸ Мнения, что

⁴⁴ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 42, 43, 51.

⁴⁵ Васильев Ю. С. Об историко-географическом понятии «Заволочье». — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 108; Мачинский Д. А. Миграция славян в I тысячелетии н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии). — В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с. 46.

⁴⁶ Мачинский Д. А. Миграция. ., с. 46.

⁴⁷ Не следует смешивать нерову (парому и т. д.) и нереву (ереву) — одно из племен древних эстов. Подробнее о племени «перова» см.: Хвоцкая Н. В. Погребальные памятники северного и северо-восточного побережья Чудского озера начала II тыс. н. э. — В кн.: Новое в археологии Прибалтики и соседних стран. Таллин, 1984, с. 168—179.

⁴⁸ Антоневич Е. «Пруссы» в топонимике северной Польши и новгородской Руси. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно историческом процессе. М., 1972, с. 258—259; См. также: Antoniewicz J. The problem of the

Прусская улица, «по-видимому, своим названием указывает на торговые связи с древними пруссами», придерживался А. И. Попов.⁴⁹ В 1974 г. М. Х. Алешковский, анализируя возможные пути появления наименований новгородских улиц, заключил, что Прусская, Варяжская и Чудинцева улицы названы по именам целых народов, что, «быть может, свидетельствует о позднем происхождении улиц с такими названиями и чисто славянском населении первоначальных поселков, делившихся на патронимии, среди которых в более позднее время появились и представители других этносов».⁵⁰ Таким образом, если следовать выводам Е. Антоневича, А. И. Попова и М. Х. Алешковского, Прусская улица никакого отношения к первоначальным обитателям Людина конца не имела, а ее появление в городе связано с активной торговлей между Новгородом и населением южной Балтики. Видимо, не случайно Прусская улица находилась именно в Людином конце (до выделения в конце XIII в. особого Загородского конца), откуда начинался путь к Шелони и далее в Прибалтику.

Происхождение названия Перевского конца тоже весьма ясно. Так, еще в 1808 г. Е. А. Болховитинов предположил появление этого наименования «от древней новгородской дороги к реке Нарове»⁵¹ — дороги, как можно думать, шедшей в земли прибалтийской чуди (перева—срева — одна из групп древних эстов). Топографическое местоположение конца в северо-западной части Новгорода вполне согласуется с таким решением вопроса.

Казалось бы, наиболее бесспорно происхождение названия Славенского конца от имени ильменских словен, но даже это встречает возражения в литературе. «Нет надобности и в сближении Славенского (на Слávне!) конца с летописными словами», — пишет Г. А. Хабургаев, указывая, что «в средневековых источниках этот район Новгорода именуется совсем иначе — Холм (ср. скандинавское название Новгорода — Holmgard!), а огласовка корня подтверждает, что топоним Слав(е)н — либо не имеет никакого отношения к старому корню этнонима летописных времен слов, либо это новое наименование книжного происхождения (либо огласовка славяне или славенский оформилась в русской книжно-литературной среде в XVIII в., откуда и была заимствована ... в качестве обобщенного наименования славянских народов, противопоставленного местным самоназваниям словене, словинцы, словаки)».⁵²

«Новыми» ни топоним Славно, ни название Славенского конца признать, конечно, нельзя, их древность не вызывает сомнений,

«Prussian Street» in Novgorod the Great. — Acta Baltica—Slavica. Bialystok, 1965, t. II, p. 7—25.

⁴⁹ Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973, с. 97—98.

⁵⁰ Алешковский М. Х. Социальные основы..., с. 102.

⁵¹ [Болховитинов Е. А.]. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, с. 17.

⁵² Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979, с. 223.

а в летописях они впервые упоминаются соответственно под 1105 и 1234 гг.⁵³ Заметим также, что возникновение скандинавского наименования города — Холмгард — многие специалисты в настоящее время связывают не с существовавшим летописным Холмом в Славенском конце, а с топографией поселений в истоке Волхова, на чем мы подробнее остановимся далее.

Сочинения восточных географов, содержащие данные, относящиеся к 50—80-м гг. IX в., сохранили сведения о трех группах русов, одну из которых (ас-Славийю с центром в городе Слава) в литературе обычно отождествляют с ильменскими словенами, а ее центр — с предшественником Новгорода, имя которого сохранили восточные авторы.⁵⁴ Исследователи, предполагающие, что город Слава находился на «Рюриковом» городище близ Новгорода, допускают, что с «его наименованием связано название Славенского конца Новгорода — района древнего города, ближе всего расположенного к Городищу и соединенного с ним дорогой, которая в пределах города называлась Славной улицей, самой старой из всех городских улиц».⁵⁵

Наконец, среди аргументов в пользу существования трех разновременных поселений, предшествовавших Новгороду, приводится факт, что город в древности не был поселением топографически компактным, а имел в своей основе три обособленных ядра, которые слились лишь со временем.⁵⁶ Действительно, к настоящему времени благодаря систематизации И. И. Кушниром данных геологического бурения установлено, что территория древнего города не была равнинной, а представляла ряд холмов. Именно в районе этих холмов зафиксированы наиболее мощные отложения культурного слоя и открыты слои X в.⁵⁷ «Вполне естественно, — писал И. И. Кушнир, — что первые новгородцы использовали для заселения в первую очередь наиболее возвышенные территории, такие, как Кремль, Славенский и Неревский концы. Это подтверждается и летописными сведениями. Город как единое целое складывался постепенно, по мере освоения наиболее возвышенных, а следовательно, и удобных для жизни территорий. По мере их заселения пришлось в дальнейшем довольствоваться более пониженными территориями».⁵⁸ В этой картине роста города прежде всего отразился процесс естественного освоения местности на берегах Волхова крепнущей столицей Се-

⁵³ НПЛ. М.; Л., 1950, с. 19, 71.

⁵⁴ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 408—419.

⁵⁵ Штендер Г. М. [Вступительная статья]. — В кн.: Каргер М. К. Новгород. 4-е изд. Л., 1980, с. 7.

⁵⁶ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 41.

⁵⁷ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги..., с. 16—20, рис. 4.

⁵⁸ Кушнир И. И. 1) К топографии древнего Новгорода. — СА, 1975, № 3, с. 176—179; 2) История формирования архитектурно-планировочной структуры Новгорода (до второй половины XIX века): Автореф. канд. дис. Л., 1978, с. 4—6.

верной Руси. Можно согласиться с тем, что сейчас намечаются три крупных ядра заселенности на территории трех древнейших новгородских концов — Славенского, Перевского и Людина, но само по себе существование этих ядер не свидетельствует о их первоначальной этнической неоднородности.

Таким образом, на основании всего сказанного можно достаточно уверенно утверждать, что этническая трехчленность древнего Новгорода не подтверждается имеющимися археологическими данными.

Рассмотрим теперь вопрос о том, являлся ли новгородский Детинец местом, где сочетались языческое капище, кладбище и место вечевых собраний, т. е. был ли он административным центром разноэтничных поселков. Никаких археологических фактов и письменных свидетельств, подтверждающих существование в Детинце святилища, нет. Предположение о его наличии базируется на общей посылке, что «Софийский собор физически сменил главное языческое капище Новгорода», поскольку «самый декорум христианизации повсеместно на Руси включал в себя идею торжества над поверженным язычеством и требовал освящения древних капищ сооружением на их месте церквей».⁵⁹ По нашему мнению, это слишком общее положение при отсутствии конкретных аргументов недостаточно для утверждения об обязательном наличии святилища как на месте Софийского собора, так и других новгородских церквей. Кстати, нам вообще представляется невозможным существование единого языческого святилища разноэтничного населения — славян и финно-угров.

Археологических подтверждений того, что на территории Детинца находилось языческое кладбище, также нет. Предположение В. Л. Янина и М. Х. Алешковского о его местонахождении здесь основывается на следующем построении: «Одно из урочищ первоначальной крепости в XIV—XV вв. носило название „Буевища“, т. е. заброшенного кладбища. Этот микротопоним покрывал значительную часть территории северной части существующего Детинца, которая далеко выходила за пределы Софийского кладбища. Здесь в раннее время, вплоть до момента построения Вхотаниерусалимского храма в 1336 г., не было христианских храмов. Поэтому Буевищем следует считать кладбище еще языческого периода».⁶⁰

Все это ретроспективное построение исходит из толкования топонима «буевище» исключительно как кладбища. «Буевищем в Древней Руси пазывали кладбища», — прямо указывал в 1971 г. М. Х. Алешковский.⁶¹ А так ли это? Топоним «буевище» по своему значению гораздо шире и в первую очередь относится отнюдь не к кладбищу. В академическом словаре русского языка XI—XVII вв. это название объясняется как «открытое возвы-

⁵⁹ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 38.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Алешковский М. Х. Повесть временных лет, с. 127.

шенное место, площадь около церкви» (ср. там же название «буй» — «открытое высокое место; площадь около церкви с домами для притча; кладбище»)⁶² В словаре В. И. Даля «буйвище» — «возвышенное, открытое кругом место; пустошь на возвышении; погост, место, где стоит церковь (обычно на возвышенности), место внутри ограды церковной; кладбище, могилки, могильник...»⁶³ Многообразие значений топонима рассмотрел в одной из своих статей В. Л. Янин.⁶⁴ Полагаем, что топоним «буевище», употреблявшийся в XIV—XVI вв. по отношению к местности близ Софийского собора (между Владычным двором и церковью Входа в Иерусалим), вполне соответствовал реальной картине того времени — «открытое возвышенное место, площадь около церкви» — и никак не свидетельствует о существовании там языческого могильника IX—X вв.⁶⁵ Справедливо писал А. И. Семенов в 1961 г. о том, что «буевище в Детинце — это площадь».⁶⁶

В. Л. Янин и М. Х. Алешковский полагают, что до XV в. новгородское вече «собиралось на Ярославовом дворище лишь в экстраординарных случаях, тогда как местом его обычных сходок была площадь перед Софийским собором».⁶⁷ Не анализируя этот вопрос детально, обратим внимание лишь на принципиальный момент, а именно на то, что нет оснований утверждать, что вече собиралось на месте Софийского собора до его возведения.

Таким образом, никаких свидетельств о существовании на территории Детинца языческого капища и кладбища нет, а собиралось ли здесь вече в IX—X вв., неизвестно. Следовательно, мы не располагаем данными, чтобы характеризовать эту территорию «как местопребывание древнего племенного (или межплеменного) центра».

Как же выглядит в таком случае в свете пока имеющихся археологических материалов процесс образования Новгорода как крепости и как торгово-ремесленного и административного центра Новгородской земли? С нашей точки зрения, становление Новгорода неотделимо от процесса славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы, в первую очередь в Припильенье — древнем историческом ядре Новгородской земли. Именно поэтому изучение начальных страниц истории города должно идти параллельно изучению новгородской округи. К сожалению, археологи-

⁶² СЛ РЯ XI—XVII вв. М., 1975, вып. 1, с. 348—350.

⁶³ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 1, с. 138.

⁶⁴ *Янин В. Л.* Буевище «Петрятино дворище» в Новгороде. — Археограф. ежегодник за 1980 г. М., 1981, с. 80, 81.

⁶⁵ Кстати, аналогичным образом разъясняются все соображения М. Х. Алешковского относительно буевища в Пскове (*Алешковский М. Х.* Повесть временных лет, с. 127).

⁶⁶ *Семенов А. И.* Древняя топография средней части торговой стороны Новгорода. — Новг. истор. сборник. Новгород, 1962, вып. 10, с. 149.

⁶⁷ *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода, с. 38, 56, 57.

ческие памятники окрестностей Новгорода обычно не получают должного освещения при рассмотрении проблемы происхождения города, а район истока Волхова, как это имеет место в изложении А. В. Кузы, в IX в. предстает почти необжитой местностью, что и позволяет рассматривать возникновение города прежде всего как результат административно-политической деятельности киевских князей.

С этим нельзя согласиться. Славянское расселение в лесной зоне Восточной Европы началось во второй половине I тыс. н. э. и фиксируется распространением могильников культуры длинных курганов. В последние столетия I тыс. н. э. в Приильменье появляется особый тип погребальных сооружений — сопки, возникновение которых связано с притоком в эти области новых групп славян. Носители культуры сопок представляют собой земледельческое население, плотно освоившее крупные реки Ильменского бассейна (Ловать, Полу, Мсту, Шелонь) и их притоки.⁶⁸

Центр северной группы славян находился в северо-западном Приильменье (так называемом Поозерье) и в верховьях Волхова. На основании известных археологических памятников об этом можно уверенно говорить даже сейчас, хотя нет сомнений в том, что многие древности вблизи Новгорода, прежде всего погребальные сооружения, полностью уничтожены, поскольку возвышенности среди волховской поймы, где они только и могли располагаться, уже давно обезлесены, интенсивно распахиваются в течение сотен лет, застроены монастырями, церквами, деревнями, а частично заняты самим городом. Этот факт убедительно подтверждают археологические находки последних лет при раскопках на Нередицком холме, в Хутины и Деревяницах. Все это касается и Поозерья.

«Город, — как отмечал Б. А. Рыбаков, — немислим без той или иной порождающей его округи; он рождается как своего рода „узел прочности“ этой округи. Причины и формы возникновения такого центра еще в первобытности могут быть различны и многообразны». «Историю каждого известного нам города нужно прослеживать не только с того неуловимого момента, когда он окончательно приобрел все черты и признаки феодального города, а по возможности с того времени, когда данная топографическая точка выделилась из среды соседних поселений, стала в каком-то отношении над ними и приобрела какие-то особые, ей присущие функции».⁶⁹ По нашему мнению, эти замечания в основном применимы к процессу возникновения крупных городов Древней Руси, в том числе и Новгорода.

Район истока Волхова имеет чрезвычайно выгодное географическое положение, на что исследователи давно и совершенно

⁶⁸ Носов Е. П. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении). — Новгород. истор. сборник. Л., 1982, 1 (11), с. 43—78.

⁶⁹ Рыбаков Б. А. Город Кня. — ВИ, 1980, № 5, с. 34, 35.

справедливо обратили внимание.⁷⁰ Здесь сходились обширные водные системы рек Ильменского бассейна, по которым открывались выходы на юг — по Ловати и Поле, на запад — по Шелопи и на восток — по Мсте. Здесь же начинался и путь по Волхову на север в Ладожское озеро и далее через Неву в Финский залив.

Волхов занимал особое место среди водных путей Восточной Европы. Как важнейшая водная артерия он был освоен во второй половине VIII в., когда началось становление торговых связей между странами Балтийского региона и Исламским Востоком, а в X в. по Волхову пролегали уже маршруты двух крупнейших путей Восточной Европы — балтийско-волжского пути и начавшего складываться в IX в. пути из «варяг в греки», которые шли из Балтики первоначально совместно и расходились лишь в оз. Ильмень.⁷¹

Еще в 1892 г. А. И. Черепнин сделал весьма верное наблюдение: «...клады с куфическими монетами в большинстве случаев довольно определенно обозначают места древнейших поселков и своим числом отчасти указывают на сравнительную густоту древних поселений, существовавших в разных областях Древней Руси в эпоху торговых сношений с арабами».⁷²

Такое скопление кладов наблюдается и в верховьях Волхова. Здесь обнаружено 12 кладов восточных монет, из которых 5 относятся к IX в., 6 — к X в., а датировка одного неизвестна.⁷³ Для сравнения отметим, что в низовьях Волхова открыто 4 клада куфических монет конца I тыс. н. э., а во всем Ильменском бассейне — 8.⁷⁴ Концентрация кладов IX—X вв. в истоке Волхова косвенно свидетельствует о наличии здесь поселений, игравших значительную роль уже в IX в. Рассматривая кладов Новгорода и его ближайших окрестностей, известные к середине 50-х гг., С. А. Янина в 1956 г. заключила, что их хронологические показатели «дают возможность утверждать, что район истока Волхова с самого начала обращения на Руси восточного дирхема был

⁷⁰ Середонин С. М. Историческая география. Пг., 1916, с. 221 и сл.

⁷¹ Подробнее см.: Носов Е. Н. 1) Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII—X в. — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., 1976, VIII, с. 95—110; 2) Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. — КСИА, 1981, № 164, с. 18; 3) International trade routes and early urban centres in the North of Ancient Russia. — In: Fenno-ugri et slavi 1978. Helsinki, 1980, p. 49—62.

⁷² Черепнин А. И. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Рязань, 1892, с. 39.

⁷³ Носов Е. Н. Нумизматические данные..., с. 99—102, 105. — В данной работе не учтены клад IX в., открытый в 1979 г. на Холопьем Голудке; два кладика второй половины IX в. из наших раскопок 1980 и 1982 гг. на Рюриковом городище; клад X в., обнаруженный здесь же в 1901 г. при работах М. И. Полянского; клад второй половины X в., открытый в 1983 г. близ Хутынского монастыря, и клад, найденный в 1889 г. близ Кирилловского монастыря на Волховце и оставшийся неопределенным. Полянский М. И. Новгородская памятка для туристов. 2-е изд. Новгород, 1908, с. 6; Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910, с. 29, № 157).

⁷⁴ Носов Е. Н. Нумизматические данные..., с. 103—106.

значительным средоточием товарного обращения». ⁷⁵ Новые монетные находки еще больше подтверждают этот вывод.

По рельефу район истока Волхова представляет собой низменную речную пойму, среди которой возвышаются отдельные всхолмления. Во время весенних паводков вся эта пойма, пропизанная ручьями, протоками и рукавами Волхова, заливадается и возвышенности надолго превращаются в островки. Такой рельеф сейчас отчетливо выражен для окрестностей Новгорода, но, как мы уже упоминали, и на территории самого города в древности находился ряд холмов, впоследствии сивелированных при накоплении культурного слоя.

Первая от Ильмена возвышенность по правому берегу Волхова носит название Городище. Обращение к планам окрестностей Новгорода, снятым до сооружения Сиверсова канала, прорытого через городищенскую возвышенность в конце XVIII—начале XIX в., показывает, что в древности это всхолмление было мысовым, расположенным при истоке из Волхова его правого рукава — Волховца, а само всхолмление и окружающая его низменная территория представляли собой остров, ограниченный Волховом с запада, Волховцом — с юга и востока и Жилотугом — с севера. ⁷⁶ На протяжении всего периода существования Новгородской республики Городище, находящееся в 2 км от Новгорода, было главной резиденцией новгородских князей, вытесненных из города в процессе сложения республиканского строя, одним из важнейших центров политической жизни Новгорода. ⁷⁷

Название княжеской резиденции Городищем само по себе симптоматично. В русском языке суффикс «-ище» обозначает «заброшенное место», «место, где было...» (селище, церковище, усадище, мытище и т. д.), ⁷⁸ соответственно и термин «городище» употребляется в отношении тех мест, на которых ранее находились укрепленные поселения. ⁷⁹ В данном случае несомненна древность появления топонима Городище, поскольку в летописи он впервые упомянут под 1103 г. в связи с постройкой церкви Благовещения. ⁸⁰ Таким образом, резиденция новгородских князей на-

⁷⁵ Янина С. А. Неревский клад куфических монет X века. — МИА, 1956, № 55, с. 182.

⁷⁶ Муравьев Н. Н. Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1826, план Д; Воробьев А. В. План Новгорода 1762 г. — Новг. истор. сборник. Новгород, 1959, вып. 9, с. 75.

⁷⁷ В летописях княжеская резиденция всегда называлась Городищем. Наименование Рюриково городище, вошедшее в историко-археологическую литературу, — плод ученых домыслов историков и краеведов XIX в.

⁷⁸ Веселовский С. Б. Топонимика на службе у историка. — ИЗ, 1945, № 17, с. 47; Поспелов Е. М. Материалы к топонимическому словарю Московской области. — В кн.: Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1979, с. 125.

⁷⁹ Самоковасов Д. Я. Древние города России. СПб., 1873, с. 97—101; Ляпушкин Н. Н. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. — МИА, 1961, № 104, с. 218.

⁸⁰ Каргер М. К. Памятники древнерусского зодчества. (Новые архитектурно-археологические открытия в Новгороде). — Вестн. АН СССР, 1970, № 9, с. 80—81.

ходила на месте, где ранее располагался укрепленный поселок, который еще до XII в. потерял свое значение. Сами названия — Новгород и Городище — сразу же натолкнули исследователей на мысль о взаимной связи как этих названий, так и самих поселений.⁸¹ В немалой степени этому способствовали сообщения русских хронографов и летописей второй половины XVII—XVIII вв. об основании Новгорода на новом месте — близ старого Словенска.⁸²

Внести должную ясность в вопросы соотношения Городища и Новгорода могли лишь археологические материалы, однако вплоть до последнего времени скептицизм относительно городищенских древностей был довольно прочен. Его можно объяснить тем, что данные о раскопках на Городище не были систематизированы и изданы. Краткие опубликованные сведения об исследованиях М. К. Каргера и Г. П. Гроздилова 1934—1935 гг., сделавших принципиальные наблюдения для общего понимания памятника, не могли заменить полной информации о результатах раскопок и материале.⁸³ Только в начале 70-х гг. появились статьи и заметки о работах на Городище М. Д. Полубояриновой, С. Н. Орлова и Н. П. Пахомова.⁸⁴

Изучение всех накопленных данных позволило установить, что на поселении имелись слои, относящиеся к последним десятилетиям IX в. и первой половине X в., и предположить наличие слоев более раннего времени.⁸⁵ Дальнейшие наши раскопки 1977—1983 гг. подтвердили и уточнили эти заключения. Для хозяйственных сооружений на одном из периферийных участков Городища были получены дендрохронологические датировки (дендрохронологическое изучение дерева любезно проведено Н. Б. Черных). Исследованный участок был застроен на рубеже IX—X вв. Жизнь же на поселении началась ранее, что подтверждается использованием при строительстве бревен, срубленных

⁸¹ *Миллер Г.-Ф.* Краткие известия о начале Новгорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших оного города случаях. — Отд. отт. из кн.: Сочинения и переводы к пользе и усилению служащие. СПб., 1761, ч. 2, с. 4, 5.

⁸² *Гиляров Ф.* Предания русской начальной летописи. М., 1878, с. 21; *Гольдберг А. Л.* Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси. — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., 1982, XIII, с. 50—63.

⁸³ *Каргер М. К.* 1) Новгород: Рюриково городище. — В кн.: Археол. исслед. в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л., 1941, с. 18—24; 2) Основные итоги..., с. 145—148; *Гроздилов Г. П.* 1) Новгородская археологическая экспедиция 1935 г. — СА, 1936, т. I, с. 279, 280; 2) Неолитическая стоянка у с. Городище на р. Волхове. — Бюлл. Комиссии по изучению четверт. периода, 1940, № 6—7, с. 36—38.

⁸⁴ *Полубояринова М. Д.* Раскопки на Рюриковом городище в 1965 г. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 217—223; *Орлов С. Н.* Археологические исследования на Рюриковом городище под Новгородом. — КСИА, 1973, вып. 135, с. 77—79; *Пахомов Н. П.* Раскопки Рюрикова городища. — Археол. открытия 1969 г. М., 1970, с. 24, 25.

⁸⁵ *Носов Е. П.* 1) Поселения..., с. 10—14; 2) Ленная керамика из раскопок на Рюриковом городище под Новгородом. — В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 95—98.

в 889, 896, 897 гг., выявленной стратиграфией — наличием под датированными комплексами культурных отложений, а также тем, что сырая низина (овражек) при переходе от городищенского холма к мысу, в которой и располагались изученные сооружения, была освоена лишь на определенном этапе существования поселения, а не сразу при его возникновении. Археологический материал из нижних слоев Городища, подтверждающий указанную хронологию поселения, сопоставим с материалом Ладоги: горизонта Е₁ (860—890 гг.) и нижней части горизонта Д (рубеж IX—X—первая половина X в.) — и более архаичен, чем повгородские находки. В целом, хотя раскопки Городища еще продолжаются, поселение бесспорно уже существовало в середине IX в., а возникло, видимо, раньше.

Топоним Городище, бытовавший среди новгородцев в древнерусское время, предполагает, что поселение, существовавшее здесь в IX—X вв., было укреплено. А. В. Арциховский в 1929 г. отметил, что в ряде мест прослеживались распаханые валы,⁸⁶ но это единственное свидетельство их наличия на памятнике. При наших раскопках 1980 г. установлено, что южная часть склона городищенского холма была эскарпирована. Во всяком случае само расположение поселка на холме в наиболее возвышенной мысовой части острова, находящегося среди низменной волховской поймы, пересеченной многочисленными протоками, в пункте, обособленном, особенно во время паводков, от окружающей местности, давало ему естественную защиту. «Такое местоположение весьма прилично для крепости», — заметил еще в 1808 г. знаток новгородских древностей Е. А. Болховитинов.⁸⁷

Находки, сделанные при раскопках Городища, показали, что его население IX—X вв. было связано с торговой деятельностью и с ремесленным производством.

В 14 км от оз. Ильмень, вниз по течению Волхова, находилось укрепленное поселение Холопий Городок. По своей топографии — холм с крутыми склонами среди заливаемой поймы и расположению при слиянии Волховца с Волховом — Холопий Городок является своеобразным аналогом Городищу у другого конца раздвоения волховской водной магистрали. Древнейшие слои поселения относятся по крайней мере к первой половине IX в. В 1979 г. здесь открыт клад восточных монет с младшей монетой 810/811 г. В договоре 1270 г. Новгорода с Ганзейским союзом городов пристань Drelleborch (букв. Холопий Городок) упомянута как место последней остановки на Волхове перед Новгородом.⁸⁸

⁸⁶ Арциховский А. В. Раскопки 1929 г. в Новгородском округе. — Материалы и исследования. Новгородский гос. музей. Новгород, 1930, вып. 1, с. 28.

⁸⁷ [Болховитинов Е. А.]. Исторические разговоры..., с. 7.

⁸⁸ Носов Е. П. 1) Поселения..., с. 14; 2) Волховский водный путь..., с. 20, 21.

По числу погребальных древностей конца I тыс. п. э. в районе истока Волхова явно выделяются окрестности д. Волоотово на Волховце. Невозможно точно определить первоначальное количество памятников в этой местности (сейчас они не сохранились), но высоких насыпей — сопок, вытянутых цепью, судя по всему, здесь было до семи.⁸⁹ Их исследования предпринимались неоднократно З.-Д. Ходаковским (1820 г.), Н. Г. Богословским (1872 г.), сотрудниками Новгородского музея (1938 г.).⁹⁰ Примечательно, что в новгородских народных легендах Волоотову уделено особое место. В них говорится о погребении в одной из сопок знаменитого старейшины Гостомысла, о Волоотовом поле — как месте захоронения новгородских богатырей.⁹¹ На Богатырском поле (урочище Слутка) Н. Г. Богословским действительно было раскопано кладбище, в основном достаточно позднее, но исключать наличие на нем погребений древнерусского времени нельзя.⁹² Здесь же, на Слутке, собраны фрагменты лепной керамики конца I тыс. н. э., свидетельствующие о существовании на берегу Волховца поселения, синхронного сопкам.

В настоящее время одна сопка сохранилась у Хутынского монастыря, на высоком правом берегу Волхова, при слиянии Волхова и Волховца. В древности комплекс археологических сооружений в этой местности, занятой монастырскими строениями, был более сложен. В 1981 г. приблизительно в 100 м к юго-западу от сопки, при раскопках построек монастыря, случайно было открыто сооружение, представлявшее собой «остатки погребального или культового памятника языческого времени» — часть кольцевидной в плане кладки из валунов. Внутри кладки находилась яма диаметром 2 м, стенки и дно которой были выложены камнями, поверх лежал горелый слой вперемешку с костями животных.⁹³ Поблизости от сопки нами обнаружены остатки поселения конца I тыс. н. э.

⁸⁹ Отрывок из путешествия Ходаковского по России. — РИС. М., 1839, т. III, кн. 2, с. 173, 174; *Романцев В. С.* О курганах, городищах и жалынках Новгородской губернии. Новгород, 1911, с. 58, 63, 65; *Седов В. В.* Новгородские сопки. М., 1970, с. 43, 44, № 315, 317, 318 (САИ; Вып. Е1-8).

⁹⁰ Отрывок из путешествия. . ., с. 172, 173; *Богословский Н. Г.* 1) Раскопки близ д. Родионова. — В кн.: Антропологическая выставка, т. II. — Изв. Об-ва любит. естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. М., 1878, т. XXXI, с. 205; 2) Раскопки близ д. Ушерски. — Там же, с. 206; *Строков А., Богусевич В.* Новгород Великий. Л., 1939, с. 98, примеч. 1.

⁹¹ *Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860, ч. 1, с. 567—569; *Вилинбазов В. Б.* Несколько замечаний о легендах Великого Новгорода. — Вестн. ЛГУ, 1963, № 4, с. 34, 35.

⁹² *Богданов А. П.* Древние новгородцы в их черепах. — В кн.: Антропологическая выставка, т. III, ч. 1. — Изв. Об-ва любит. естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. М., 1879, т. XXXV, с. 463.

⁹³ *Седов В. В.* Новгородские сопки, с. 43, № 316; *Носов Е. Н.* Отчет о работе Новгородской областной экспедиции ЛО НА АН СССР в 1978 г. — Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 7169, с. 28; *Булкин В. А.* Новые данные о ка-

В 1978 г. при раскопках древнерусского грунтового могильника в Деревяницах на берегу Волхова были случайно выявлены остатки сопки рядом с известным здесь ранее селищем последних веков I тыс. н. э.⁹⁴ Существование сопки на р. Питьбе у с. Воцкое, скрытой до 1820 г., отмечено З.-Д. Ходаковским, а на Нередимском холме на Волховце остатки распахиваемой сопки были замечены еще в начале века (в 1979 г. раскрыт ровик этой насыпи).⁹⁵ Все эти постоянно пополняющиеся сведения о погребальных сооружениях в районе истока Волхова, не сохранившихся до наших дней, убедительно свидетельствуют в пользу отмеченного нами ранее положения о существовании в окрестностях Новгорода гораздо большего числа погребальных памятников конца I тыс. н. э., чем мы фиксируем сейчас.

На территории самого города выделяются три наиболее возвышенных участка: на месте Кремля, в Неревском и Славенском концах. Очень вероятно, что первые обитатели появились на этих и других городских холмах одновременно с заселением всего района истока Волхова, т. е. по крайней мере в IX в. Не исключено, что на холмах располагались и погребальные памятники, впоследствии уничтоженные при расширении города, как это было в Пскове.⁹⁶ Если В. С. Передольский не ошибся в своих наблюдениях, то одна из сопок находилась в Новгороде близ Лазаревской церкви.⁹⁷

Следует подробнее рассмотреть вошедший в литературу факт существования на Ярославовом дворище «дохристианского могильника», который постоянно упоминается при выяснении характера древнего новгородского некрополя и топографии города на заре его истории.⁹⁸ Так называемый «дохристианский грунтовой могильник X в.», по мнению А. А. Строкова и В. А. Богусевича, был открыт ими при раскопках 1937 г. Обращение к коп-

менных постройках Хутынского монастыря и Государева двора в Новгороде. — Археол. открытия 1981 г. М., 1983, с. 10—11.

⁹⁴ Орлов С. П., Аксенов М. М. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода. — Повг. истор. сборник. Новгород, 1961, вып. 10, с. 162, 168; Конецкий В. Я., Верхорунова Т. Л. Работы Новгородского музея. — Археол. открытия 1978 г. М., 1979, с. 16.

⁹⁵ Отрывок из путешествия..., с. 156; Романцев И. С. О курганах..., с. 62; Конецкий В. Я. Исследования грунтовых могильников и сопок в Приильменье. — Археол. открытия 1979 г. М., 1980, с. 11, 12.

⁹⁶ Лабугина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф. Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.). — КСИА, 1981, вып. 166, с. 69—77.

⁹⁷ Передольский В. С. Новгородские древности: записка для местных изысканий. Новгород, 1898, с. 95.

⁹⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. — Учен. зап. МГУ, 1946, вып. 99, с. 14; Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. М.; Л., 1947, с. 21, 22; Бунин А. В. История градостроительного искусства. М., 1953, т. 1, с. 175; Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955, с. 365; Алешковский М. Х., Красноречев Л. Е. О датировке..., с. 68—71; Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги..., с. 43; Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным). — ВП, 1980, № 12, с. 40; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978, с. 254—255, и другие работы.

кретным материалам показывает, что говорить о паличии на Яро-славовом дворце в X в. языческого некрополя нет достаточных оснований.⁹⁹

При раскопках 1937 г. на фоне материкового песка были обнаружены 20 столбовых ямок и большие «зольные пятна» с древесным углем (на опубликованном плане показано шесть пятен, хотя в отчетах и публикациях говорится лишь о пяти). Пятна имели различную неправильную, в основном вытянутую, форму. Их точные размеры в описаниях не приведены, только отмечено, что пятна «больше 3-х метров». По плану размеры пятен можно с некоторым допущением установить: пятно 1 уходит в северную и восточную стенки раскопа; вскрытая часть имеет округлую в плане форму и размеры 1.6×1.65 м; пятно 2 — вытянутой формы, размером $0.8-1.4 \times 3.4$ м; пятно 3 — вытянутой формы, размером $0.3-1.3 \times 3.3$ м; пятно 4 уходит в восточную стенку раскопа; вскрытая часть имеет округлую форму и размеры 0.6×0.8 м; пятно 5 — вытянутой формы, размером $0.7-1.5 \times 2.8$ м; пятно 6 представляет собой узкую полосу, уходящую в южную и восточную стенки раскопа; его размеры $0.3-0.8 \times 3.1$ м.

При разборке «в глубине» пятен были обнаружены, как считают авторы раскопок, «следы погребального кострища», а именно — «слой становился интенсивно черным с большим содержанием угля», здесь же находилось «значительное количество» камней, «пришедших под воздействием огня в полурассыпчатое состояние». Исследователи отмечали, что в кострищах найдено большое число обломков сосудов, причем «все они были сделаны на гончарном круге» (лишь в заметке А. А. Строкова 1939 г. сказано, что керамика была сделана «главным образом на гончарном круге»). В кострище 2 обнаружено «несколько дпищ сосудов, в которых содержалась темная масса с красноватым оттенком».

В кострище 1, «наиболее богатом находками», встречено «глиняное изделие, напоминающее грузило с выцарапанными на

⁹⁹ В Архиве ЛО ИА АН СССР имеются два отчета, содержащие тождественные описания могильника. К сожалению, это не детальное рассмотрение обнаруженных объектов, а краткая суммарная характеристика открытой раскопками картины, без необходимой графической и фотографической документации (Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель В. К. Раскопки на Ярославовом дворце. (Отчет). — Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1937, № 237, л. 14—15; Отчет А. А. Строкова о раскопках на Ярославовом дворе в Новгороде в 1937 и 1938 г. — Там же, ф. 35, оп. 1, 1937, № 282, л. 5, 6). Эти же описания неоднократно были опубликованы (Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель В. К. Раскопки на Ярославовом дворце. — Новг. истор. сборник. Новгород, 1938, вып. 3—4, с. 199, 202, 205, 207; Строков А. А. и Богусевич В. А. 1) Новгород Великий (пособие для экскурсантов и туристов). Л., 1939, с. 235 и сл.; 2) Археологическое исследование Новгорода. Новгород, 1939). Лишь в специальной заметке А. А. Строкова приводятся несколько более подробные данные о могильнике (Строков А. А. Дохристианский могильник. (По данным археологических раскопок на Ярославовом дворе). — Новг. истор. сборник. Новгород, 1939, вып. 6, с. 51—53).

нем знаками», дирхем, птичьи и рыбы кости, рыба чешуя. При расчистке пятен оказалось, что «среди угля и камней было много остатков обожженных человеческих костей — обгорелые части челюстей, ребра, позвонки и пр., и костей животных: обгорелые части челюстей лошади, части основания конского хвоста и др.».

По мнению авторов раскопок, открытые зольные пятна — места сожжения погребенных, встреченные камни «употреблялись для усиления трупосжигания», темная масса на дне ряда сосудов — «остатки иници для погребенных», зафиксированные столбы «использовались во время погребального обряда» и «служили для целей культа». А. А. Строков допускал, что здесь находился и идол. В целом исследователи полагали, что «Ярославово двориче в X веке не было заселено. Здесь были дохристианский могильник и, возможно, культовое урочище древнего Новгородского поселения».

Предложенная трактовка данных, полученных в 1937 г. при раскопках на Ярославовом двориче, произвольна. Интерпретация зафиксированных пятен, на наш взгляд, должна быть гораздо прозаичней. Значительные размеры и неправильная форма пятен, наличие в них («в глубине») углистого слоя, многочисленных побывавших в огне камней, керамики, костей, рыбьей чешуи, а также единичных находок вещей (грузило, дирхем) говорят о том, что перед нами углубленные в материк основания хозяйственных сооружений и ямы. Четко прослеживаемые на фоне материка гумусированные пятна различной формы — обычная картина, встречающаяся при исследованиях городов и сельских поселений Новгородской земли. После фиксации пятен следует их разборка, при которой выявляются контуры сооружений. Подобные комплексы обнаружены на Черевском раскопе Новгорода и в Старой Ладогѣ,¹⁰⁰ на Городище и на Холопьем Городке и т. д. В 30-е гг., когда А. А. Строков и В. А. Богусевич вели раскопки в Новгороде, изучение поселений в лесной зоне Восточной Европы еще только начиналось, а поэтому зафиксированная в основании культурного слоя на Ярославовом двориче картина показала исследователям чем-то исключительным и, как это нередко бывает с непонятыми комплексами, получила трактовку как место, связанное с культовыми действиями. Кстати, тогда же при раскопках в Старой Ладогѣ ямы, аналогичные открытым А. А. Строковым и В. А. Богусевичем, правда, расположенные рядом с действительно грунтовыми захоронениями, были также ошибочно интерпретированы как «культовые», что позднее признал сам автор раскопок С. П. Орлов, справедливо связав их

¹⁰⁰ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. — МИА, 1963, № 123, с. 85, рис. 38; Гроздилов Г. П. Дневник 2 раскопок Староладожской археологической экспедиции в 1950 г. — Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. 13, 1950 г., л. 90—91; Равдоникас В. И. Отчет Староладожской экспедиции за 1959 г. — Там же, д. 45, 1959 г., л. 35, 36, табл. 60, 61.

с распространившимся на территорию могильника ладожским поселением.¹⁰¹

Обнаруженные в раскопе на Ярославовом дворище столбы, которые, как думали исследователи, «служили для целей культа», никакого отношения к гумусированным пятнам вообще не имеют, являясь по времени более поздними, поскольку, как видно на плане, семь из них четко выделяются на фоне самих пятен, нарушая последние.

Наличие в заполнении комплексов человеческих костей в принципе возможно, хотя следует специально обратить внимание, что квалифицированного определения костей А. А. Строков и В. А. Богусевич явно не проводили и вообще неясно, были ли найдены в комплексах, и во всех ли, кальцинированные кости или какие-то обожженные остатки.

Датировка вскрытых сооружений X в. имеет весьма шаткие основания. По существу она базируется лишь на следующем рассуждении авторов раскопок: «Мы имеем дело с дохристианским могильником, так как обряд трупосожжения возможен в самом Новгороде не позже конца X в. (время принятия христианства), наличие же большого количества керамики, сделанной на гончарном круге, не позволяет найденный могильник датировать временем ранее X века». Поскольку раскопками был открыт отнюдь не могильник, то нет никаких оснований не датировать расшифрованные сооружения, к примеру, XI в., ведь вышележащие слои относятся к XII—XIII вв. К сожалению, сами коллекции находок утрачены.

Обзор древностей конца I тыс. н. э. окрестностей Новгорода и самого города, известных к настоящему времени, будет не полон, если не остановиться на вопросе о предполагаемых местах существования здесь языческих святилищ. Долгие годы в историографии господствовала точка зрения, что центральное языческое святилище племени славян находилось в роще Перынь у истока Волхова. В последнее время интерес исследователей к месту расположения культового центра языческого Новгорода заметно усилился. Высказан ряд новых суждений.

По мнению М. Х. Алешковского, воевода Владимира Добрыня, проводя в жизнь реформу Владимиром язычества, «постави кумира» не в Перыни, а в Детинце, на месте, где позднее был возведен Софийский собор.¹⁰² В статье 1971 г. В. Л. Янин и М. Х. Алешковский, опираясь на упомянутое выше предположение об освящении «древних капищ сооружением на их месте церквей», высказали мысль о существовании на территории самого Новгорода нескольких капищ: на месте Софийского со-

¹⁰¹ Орлов С. Н. 1) Могильник в Старой Ладогѣ. — Учен. зап. ЛГУ, № 80. Серия истор. наук, 1941, вып. 10, с. 116—138; 2) О раннеславянском групповом могильнике с трупосожжением в Старой Ладогѣ. — СА, 1960, № 2, с. 253.

¹⁰² Алешковский М. Х. Повесть временных лет, с. 128; См. также: Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е. О датировке..., с. 68—71.

бора — главного капища Новгорода, на месте церкви Власия — капища Велеса, на месте храма Ильи Пророка — капища Перуна, на месте трех Петропавловских церквей — еще трех «местных» капищ наряду с тем, что в Перыни на месте церкви Рождества Богородицы находилось святилище Перуна.¹⁰³

Позднее В. Л. Янин охарактеризовал святилище Перуна на месте церкви Ильи Пророка в Славенском конце как «небольшое капище», а святилище в Перыни как «большой пантеистический комплекс не локального значения, а культовый центр значительного округа, языческого Новгорода и той земли, которая в то время Новгороду была подчинена». «Это единственный памятник в своем роде, — заключил В. Л. Янин, — другого такого мы у себя не знаем».¹⁰⁴

А. С. Хорошев согласился с мнением о существовании в Детинце городского требища. Он полагает, что идол Перуна был поставлен Добрыней в Перыни, где создавался великокняжеский религиозный центр. В нахождении городского святилища в Детинце и капища Перуна за пределами города автор усматривает проявление тенденции противостояния князя и Новгорода.¹⁰⁵

Урочище Перынь занимает небольшой плоский холм на левом берегу Волхова при самом его истоке из Ильменя. В весеннее время Перынский холм, увенчанный сосновой рощей, превращается в остров. Само расположение Перыни на фоне широких ильменских просторов придает урочищу величественность и исключительную живописность. В. В. Седов, один из исследователей Перыни, писал: «Местные предания, доживший чуть ли не до наших дней обычай бросать в Волхов монету при следовании мимо Перыни («жертва Перуну») и само название связывают урочище с главным языческим богом славян Перуном. По словам третьей Новгородской летописи, в Перыни стояла деревянная статуя Перуна, которая в 988 г. была срублена и сброшена в Волхов. Все это давало полные основания предполагать, что здесь был один из центров языческой религии Древней Руси». В. В. Седов подчеркивал «топографическое положение урочища, сближающее Перынский холм с холмами, на которых были расположены уже открытые и исследованные языческие святилища славян», и близость святилища к воде. «Такая закономерность расположения святилищ, — по его мнению, — не случайна и может быть объяснена тем, что идолы, поставленные на таких холмах, были обращены на восток, навстречу первым лучам восходящего солнца, и одновременно к воде».¹⁰⁶

¹⁰³ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 38, 40.

¹⁰⁴ Янин В. Л. 1) Великая глубина. — В кн.: Тысячелетние корни русской культуры. Новгород, 1972, с. 60; 2) Таинственное средневековье. — В кн.: У древних стен, у Ильмень-озера. М., 1980, с. 550—553.

¹⁰⁵ Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980, с. 10, 11, 14.

¹⁰⁶ Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перыни. — КСИМК, 1953, вып. 50, с. 92—93.

В 1948, 1951 и 1953 гг. на Перыни под руководством А. В. Арциховского и В. В. Седова были проведены археологические исследования, в результате которых на древней вершине холма было открыто и само святилище Перуна, представлявшее собой «круглое возвышение с горизонтальной поверхностью и с вертикальным столбом в центре, обрамленное рвом оригинальной формы с восемью ячейками для костров».¹⁰⁷ Вокруг статуи Перуна находились изображения других языческих богов, также окруженные кольцевыми рвами.¹⁰⁸

Идол Перуна простоял в Перыни недолго. Известно, что поставлен он был воеводой Владимира Добрыней в 980 г., а в 988 г. сброшен в Волхов. Из этого отнюдь не следует, что святилище находилось на холме в истоке Волхова всего девять лет. Устойчивость названия холма Перыню и связанных с ним преданий говорят о достаточно длительном местонахождении здесь культового центра. Раскопки А. В. Арциховского и В. В. Седова позволили отнести время сооружения святилища «по крайней мере к IX столетию», а время его функционирования — к IX—X вв.¹⁰⁹ Основанием для такой датировки явилось то, что при разборке прослойки на дне и склонах кольцевого рва, относившейся ко времени существования святилища, среди найденной керамики преобладала лепная посуда, которая в Новгороде к середине X в. уже вышла из употребления.¹¹⁰ Таким образом, можно думать, что Добрыня поставил в 980 г. статую Перуна как верховного божества на месте уже действовавшего капища.

Итак, в настоящее время археологическими материалами подтверждено наличие капища только в Перыни. Высказанные в литературе суждения о наличии нескольких языческих святилищ на территории самого Новгорода — предположения, основанные пока лишь на общих посылках.

В 300 м от Перыни, при впадении р. Прость в Ильмень, известно большое поселение IX—X вв., лепная керамика которого аналогична посуде Городища, Холопьево Городка и нижних слоев Новгорода.¹¹¹

Из приведенного обзора археологических данных видно, что в IX в. район истока Волхова, где возник центр Северной Руси, был широко освоен славянским населением. Исследования существовавших поселений только начинаются, и мы полагаем, что древнейшие горизонты некоторых из них синхронны начальному этапу жизни Ладоги, т. е. датируются второй половиной VIII в., хотя пока это еще нельзя подкрепить документально. Мы исхо-

¹⁰⁷ Там же, с. 99.

¹⁰⁸ Седов В. В. Новые данные о языческом святилище Перуна. — КСИИМК, 1954, вып. 53, с. 105—108.

¹⁰⁹ Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде, с. 9; Седов В. В. Новые данные..., с. 106, 107.

¹¹⁰ Седов В. В. Новые данные..., с. 105—107; Смирнова Г. П. Лепная керамика..., с. 10; Носов Е. Н. Поселения..., с. 11, 12.

¹¹¹ Орлов С. Н. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода. — СА, 1972, № 2, с. 127—137.

дим из того, что сопки в низовьях Волхова, в которых похоронена значительная часть ладожан, сооружались, как сейчас установлено, в VIII—X вв.,¹¹² и нет оснований думать, что упомянутые нами сопки в его верховьях относились лишь к более позднему этапу сооружения данного типа памятников. Кроме того, скандинавское название Новгорода — *Hölmgarðr*, которое скорее всего обозначало группу поселений (подробнее об этом далее), восходит, как считают специалисты, «к древнейшей эпохе скандинаво-русских контактов» и «значительно старше» конца IX в.¹¹³

Поселенческая область верховьев Волхова являлась северной частью значительной группы поселков конца I тыс. н. э., известных в ильменском Поозерье — одном из наиболее населенных и развитых в сельскохозяйственном отношении районов древней Новгородской земли, протянувшегося узкой полосой в 4—5 км на 20 км вдоль северо-западного берега Ильменя, между озером и р. Веряжей. Этот район наиболее удобен для начального земледельческого освоения среди территорий, непосредственно примыкающих к Ильменю, и именно к нему в первую очередь относятся слова летописца о том, что «словени же седоша около езера Ильмеря, и прозвашася своимъ имянемъ».¹¹⁴

Ю. А. Кизилев вполне справедливо заключил, что «другого, более обширного массива земли, способного удерживать на себе такую же, как в северном Приильменье, концентрацию населения Новгородская земля практически не знала».¹¹⁵ О чрезвычайно выгодном географическом положении района истока Волхова мы уже говорили. Полагаем, что Поозерье и исток Волхова явились центром расселения пришедшей сюда северной группы славян, по выражению А. П. Насонова, «коренной племенной территории „словен“». Здесь же в Перыни находилось и их центральное капище — место различных административных и культовых отправлений, народных празднеств и игрищ. Напрашивается параллель с древним Киевом. Касаясь места возникновения Киева, П. П. Толочко отмечал, что «господствующее положение киевской территории, которая как бы на ключ замыкает широко разветвленные пути верхней части Днепровского бассейна, являлось одной из репьяющих причин выдвижения ее на первое место в Среднеднепровском районе».¹¹⁶ Аналогичное значение в Северной Руси имела территория, где возник Новгород.

¹¹² Носов Е. П. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье. — СА, 1981. № 1, с. 54.

¹¹³ Мельникова Е. А. Восточнославянские топонимы с корнем *garðr* в древнескандинавской письменности. — Сканд. сборник, Таллин, 1977, вып. XXII, с. 202, 203.

¹¹⁴ Насонов А. П. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 75; Носов Е. П. Поселения..., с. 14, 15, 22, 23.

¹¹⁵ Кизилев Ю. А. Географический фактор в истории средневековой Руси. — ВИ, 1973, № 3, с. 57.

¹¹⁶ Толочко П. П. Киевская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 19.

В связи с анализом размещения поселений в окрестностях Новгорода небезынтересно коротко остановиться на существующих объяснениях появления названия Holmgardr. Большинство исследователей переводили его как «островной город», «город на острове» (hólmr — остров и gardr — огороженное место, двор, употребленное в данном случае в значении города).¹¹⁷ Топографическое расположение самого Новгорода этому названию не соответствует, но если считать предшественником города Городище, действительно находящееся на острове, то такое решение вопроса, казалось бы, приемлемо. Иной путь интерпретации названия в 1922 г. предложила Е. А. Рыдзевская. Обратив внимание на то, что в летописях юго-восточная часть Славенского конца неоднократно обозначалась как «Холм», она предположила, что именно этот топоним послужил основой для появления названия Holmgardr, в котором были контаминированы hólm и русское «холм», gardr и русское «град», а само название не является чисто скандинавским.¹¹⁸ Археологических подтверждений существования на Славне укрепленного городка IX в. нет. Вместе с тем оба приведенных объяснения названия Holmgardr с лингвистической точки зрения не безупречны.¹¹⁹

В новейшей специальной литературе данный вопрос решается иначе. Б. Клейбер обосновал точку зрения о территориальном значении рассматриваемого топонима. Исходя из значения слова hólmr — «побольшой остров» (особенно в заливе, на реке), «холм, пригорок на болоте, залитом лугом», он интерпретировал название Holmgardr как «островную местность», «поселения в островной местности». Б. Клейбер обратил особое внимание на топографию Новгорода и его окрестностей и высокие весенние паводки Волхова. По его мнению, скандинавы, попадавшие в этот район весной, когда и начинались дальние походы, видели перед собой залитую водой местность, на которой, как островки, выделялись вершины холмов, где и располагались поселения.¹²⁰ В последнее время точку зрения Б. Клейбера поддержала и дополнила рядом аргументов Е. А. Мельникова. Ее общий вывод следующий: Holmgardr является «древнейшим восточноевропейским топонимом, созданным скандинавами». Этим наименованием обозначалась местность, «где кончался прямой (без волоков) водный путь (Финский залив—Нева—Ладожское озеро—Волхов) и поэтому игравший особенно важную роль в эпоху начальных скандинаво-русских контактов» и где находилось «скопление поселений, располагавшихся на возвышенных местах, болотистых и затоплявшихся во время паводков». «В связи со становлением города на

¹¹⁷ Подробнее см.: *Рыдзевская Е. А.* Холм в Новгороде и древнесеверный Holmgardr. — ИРАИМК, 1922, т. II, с. 105—109.

¹¹⁸ Там же, с. 109—112; *Рыдзевская Е. А.* О названии Руси Gardariki. — В кн.: *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 143—151.

¹¹⁹ *Мельникова Е. А.* Восточноевропейские топонимы..., с. 201—203.

¹²⁰ *Kleiber B.* Zu einigen Ortsnamen aus Gardarike. — *Scando-Slavika*, 1957, v. III, S. 215 ff.

территории, пазывавшейся скандинавами Hólmgarðr, топоним был перенесен на город». ¹²¹ Охарактеризованная нами ранее картина расположения поселений и погребальных памятников в истоке Волхова в IX—X вв. вполне соответствует трактовке названия Hólmgarðr как «поселения в островной местости».

Название Холмгард паряду с местностью в истоке Волхова, возможно, охватывало и густо населенное ильменское Поозерье. Топографическое расположение поселений в Поозерье на невысоких всхолмлениях среди протоков р. Веряжи и пойменных лугов, заливаемых во время наводков, сходно с топографией поселков в верховьях Волхова, и они как бы являются их продолжением. Общее впечатление широко заселенной равнины с массой речек дополняется тем, что Веряжа в нескольких местах сообщается с Ильменем: прежде всего в своих верховьях протокой-речкой Прость она соединяется с истоком Волхова у Перыни. Кроме того, в большую воду весной проплыть к озеру по залитым низинам между холмами можно было еще в двух местах.

Очень важно, что через Поозерье в древности проходил водный путь в обход Ильменя. Коварный характер мелководного бурного озера заставлял постоянно искать возможные пути его обхода, и таким естественным «обводным каналом» и была р. Веряжа. В 1662 г. именно по Веряже плыл к Новгороду австрийский посланник Мейерберг. ¹²² О сплаве леса в Новгород по Веряже можно говорить на основании «Устава князя Ярослава о мостех» (1265—1267 гг.). ¹²³ А наиболее примечательно само название протоки — речки между Веряжей и Волховом — Прость, что означает «прямой путь», «прямая дорога». ¹²⁴ Это название очень древнее, оно встречается уже в грамоте князя Изяслава Мстиславича погородскому Пантелеймонову монастырю, датированной 1134 г., ¹²⁵ по возникло, конечно, гораздо раньше. Итак, само название Прость — это еще одно убедительное подтверждение существования пути по Веряже. При впадении Прости в Волхов располагались языческая Перынь и значительное поселение Ракомо, которое многими исследователями рассматривается как загородная княжеская резиденция Ярослава Мудрого. А. И. Попов, кстати, считает, что сам гидроним Веряжа «означает просто „Варяжская“ и притом в древнейшей форме». ¹²⁶ Еще раз суммируем сказанное: топографически поселения у истока

¹²¹ Мельникова Е. А. 1) Восточноевропейские топонимы. ., с. 204—209; 2) Скандинавские рунические надписи. М., 1977, с. 202—204.

¹²² На это указывает наличие в альбоме к путешествию Мейерберга рисунка Клонского монастыря, расположенного как раз на р. Веряже, на пути от устья Шелопи к Новгороду (Альбом Мейерберга. . . Объяснительные примечания к рисункам / Сост. Ф. Аделунгом. . . СПб., 1903, с. 21).

¹²³ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с. 117—119.

¹²⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1882 (М., 1955), т. III, с. 513.

¹²⁵ Янин В. Л. Очерки. . ., с. 67—69.

¹²⁶ Попов А. И. Следы времён минувших. Л., 1981, с. 48.

Золхова и в Поозерье составляли единое целое, через них проходил водный путь, в том числе скандинавов, от истока Волхова к Ловати и Поле, проходил обычно весной мимо залитых лугов поселков на всхолмлениях, по «стране островных хуторов», Золмгарду скандинавских источников.

Касаясь названия столицы Северной Руси Новым городом, Малковской еще в 1852 г. справедливо заметил, что в летописях «Новгородом долго назывался преимущественно самый город-крепость».¹²⁷ На такую локализацию названия Новгорода и обратили внимание В. Л. Янин и М. Х. Алешковский, подчеркнув, что «именно Детинец и был древнейшим Новгородом».¹²⁸ При подобной постановке вопроса стало достаточно ясным, что поиски предшественника Новгорода — это не обязательно поиски какого-то значительного торгово-ремесленного и военно-административного центра, собственно города в современном научном понимании, им может быть и укрепленный поселок, более древний, чем новгородский Детинец. Вместе с тем название укреплений «новыми», на наш взгляд, требует реального противопоставления их «старым» укреплениям, а поэтому поиски более ранней крепости должны идти в истоке Волхова, а не на далеком расстоянии от него, в чем мы полностью согласны с В. Л. Яниным и М. Х. Алешковским. Таким образом, строительство Нового города не имеет прямого отношения к проблеме «переноса» городов в том виде, как она обычно обсуждается в литературе.¹²⁹ В данном случае речь идет лишь о перемещении укрепленного центра внутри плотного гнезда поселений в истоках Волхова.

Ключевое положение в истоке Волхова занимало Городище, что, по нашему мнению, и обусловило его главенствующую роль среди прочих поселений района, в том числе и тех, которые могли быть на возвышенностях, впоследствии занятых Новгородом. Местоположение Городища и состав находок показывают, что поселок имел торгово-ремесленный характер, а возможность контролировать важнейшую водную артерию обусловила и его военно-административные функции. Поселение имело хорошую естественную защиту, видимо, существовали и дополнительные искусственные укрепления (установлена эскарпированность склона и можно предполагать наличие деревянного тыла). В зрительной связи с Городищем располагалась языческая Перыпь. Таким образом, Городище во второй половине IX в. стало тем «узлом прочности» округа, который выделился среди близлежащих поселений и приобрел особые функции. Значение Городища в ранний период его истории — в IX—X вв. — убедительно под-

¹²⁷ Малковский. Критические исследования о происхождении Великого Новгорода. — Временник МОИДР, 1852, кн. 12, с. 3.

¹²⁸ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 40.

¹²⁹ Авдусин Д. И. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным). — ВИ, 1980, № 12, с. 38—39; Дубов И. В. К проблеме «переноса» городов в Древней Руси. — В кн.: Гепезис и развитие феодализма в России. Л., 1983, с. 70—82.

черкивается также тем фактом, что княжеская резиденция в XII в. располагалась именно на его месте. Если в известиях о призвании варягов видеть не только легенду, то поселением, куда в IX в. из Ладоги пришел Рюрик, могло быть только Городище. Полагаем поэтому, что именно Городище и являлось предшественником Новгорода как крепости.

Проблема преемственности Городища и Нового города поднималась в отечественной науке, как мы уже отмечали, неоднократно, но здесь и возникали сомнения, поскольку площадь городищенского холма, по представлениям историков, казалась малой для размещения целого города (именно так, к примеру, и сейчас подходит к решению данного вопроса И. И. Кушнин¹³⁰). Если же поставить вопрос о преемственности Городища и Новгорода как разновременных укреплений (=детинцев), то все эти скептические замечания отпадут. Наконец, долгое время вызывала сомнения хронология нижних горизонтов Городища — их древность по сравнению с обнаруженными археологическими данными по Новгороду. Сейчас же установлено наличие на поселении бесспорных слоев середины IX в., что позволяет положительно решить вопрос о Городище как наиболее раннем укреплённом пункте в истоке Волхова. Кстати, подчеркнем, что если на Городище при дальнейших раскопках не окажется слоев древнее середины IX в., а на территории Новгорода удастся обнаружить слои, синхронные городищенским или даже более ранние, то само по себе это не исключит возможности характеристики Новой крепости и Городища как «новых» и «старых» укреплений.

Крепость, возведенную на холме, занятом сейчас Кремлем, называли Новой, и новая цитадель дала название и всему поселению. Такое двойное закрепление названия, как нам кажется, могло произойти лишь в том случае, если возведение Детинца и быстрый рост посада на возвышенностях обоих берегов Волхова были почти одновременны. Эти события приходится на первую половину X в. Первоначально жилой застройкой были охвачены наиболее высокие участки местности. Таких крупных поселенческих ядер, судя по распространению наиболее мощных культурных слоев, было три — на Славне, в Неревском и Людином концах. В свою очередь эти ядра распадались на более мелкие части и отдельные усадьбы. Так, на территории Неревского раскопа первоначально была застроена его северо-восточная часть, более удаленная от Детинца, как центра города, и лишь позднее южная, причем между ними некоторое время существовал пустырь.¹³¹ В середине X в. Новгород упомянут в известном сообщении Константина Багрянородного,¹³² а по археологическим данным, он представлял собой тогда уже огромный город, раскинувшийся на обоих берегах Волхова. В то же время поселение на

¹³⁰ Кушнин И. И. Новый город..., с. 603.

¹³¹ Засурцев П. И. Усадьбы..., с. 86.

¹³² Константин Багрянородный. Об управлении государством. — ИГАИМК, 1934, вып. 91, с. 8.

ородищенском холме продолжало существовать и видимое про-
тивостояние старых и новых укреплений сохранялось, что и за-
крепило за поселком в истоке Волхова название Городище.

Русские хронографы и летописи второй половины XVII и
XVIII в. содержат легендарную часть «О истории еже о начале
Русския земли и создании Новаграда...», где сообщается о го-
юде Словенске, который предшествовал Новгороду и находился
т него вверх по течению Волхова на расстоянии «яко поприще
и боле», т. е. на месте Городища.¹³³ Нельзя исключать, что в пре-
ании о Словенске народная память в легендарной форме сохра-
ила отзвуки реальных событий (этому не противоречат сообще-
ия восточных географов и археологические материалы).

Что касается известного сообщения Иордана (VI в.) о том,
то «Склавины живут от города Новьетуна и озера, именуемого
Мурсианским до Данастра, а на север — до Висклы...», которое
втор новейшей монографии о названиях древнерусских городов
З. П. Нерознак пытается интерпретировать как якобы первое
поминание Новгорода в иноязычных источниках, отождествляя
склавен со словенами ильменскими, а Мурсианское озеро —
оз. Ильмень, то это толкование расходится со всеми имеющи-
ися письменными и археологическими данными о расселении
славян и происхождении Новгорода и уже давно оставлено спе-
циалистами. У Иордана речь идет совсем о другой территории —
о склавинах, живущих между Днестром, средним течением Ду-
ная и верховьями Вислы.¹³⁴

Итак, основные выводы нашего исследования сводятся к сле-
дующему. В IX в. интенсивно функционировал сложившийся во
второй половине VIII в. и проходивший по Волхову балтийско-
волжский путь, оказавший значительное стимулирующее воздей-
ствие на социально-экономическое развитие примыкавших к нему
территорий. Это отразилось в размещении поселений и погреб-
альных памятников у наиболее сложных ключевых участков
водной магистрали (устья и истока Волхова, мест его раздвоения
на рукава, порогов), в концентрации кладов восточных монет
в пизовьях и верховьях Волхова, в находках на поселениях пред-
метов дальней международной торговли (куфических и визан-
тийских монет, сердоликовых и стеклянных бус, фризских греб-
ней, изделий из янтаря, различных вещей скандинавского проис-
хождения, в том числе с руническими надписями и т. д.).¹³⁵

В северной части волховского отрезка балтийско-волжского
пути в середине VIII в. была основана Ладога. Она стала круп-
ным торгово-ремесленным и транзитным центром Балтийского

¹³³ Гиляров Ф. Предания..., с. 24.

¹³⁴ Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983, с. 120,
122; ср. Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования
Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.). — МИА, 1968,
№ 152, с. 10 и сл.; Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания
славян в I—VI веках. — АСГЭ, 1976, вып. 17, с. 82 и сл.

¹³⁵ Носов Е. Н. Волховский водный путь..., с. 18—24.

региона, воротами в глубь Восточной Европы. Основную массу населения Ладogi составляли славяне, но в социальной верхушке общества значительную роль играли скандинавы.¹³⁶

В истоке же Волхова ключевым поселением на балтийско-волжском пути становится Городище. Первоначально этот военно-административный пункт и торгово-ремесленный центр уступал Ладогe, но постепенно во второй половине IX в. он стал приобретать все большее значение. Сюда в городищенскую округу стягивался аристократический и торгово-ремесленный слой славянского общества Приильмeнья, имевший возможность именно здесь — в ключевой точке Ильменского бассейна, на пересечении важнейших торговых путей — участвовать в перераспределении своих богатств и доходов. Не случайно, что, согласно одному из вариантов легенды о призвании варягов, князь Рюрик первоначально правил в Ладогe и лишь позднее перешел в Новгород. Этот вариант сказания, полагала Е. А. Рыдзевская, «дает Ладогe первенство над Новгородом с хронологической точки зрения и едва ли объясняется простым сочинительством».¹³⁷ «Легенда о построении города Рюриком, — отмечал М. Н. Тихомиров, — может относиться к Городищу, тем более что летопись говорит о построении Рюриком города над озером Ильменем, а это мало подходит к топографии Новгорода и более соответствует местоположению Городища».¹³⁸ Рассмотренные материалы подтверждают реальность многих событий легенды о призвании варягов (мы имеем в виду не столько вопрос об исторической реальности Рюрика, сколько вопрос соотношения Ладogi и Новгорода).

Но имеется и коренное различие между поселениями в низовьях и верховьях Волхова. Ладoga была лишена земледельческой округи, в то время как Поозерье являлось наиболее благоприятной для земледельческого хозяйствования областью Приильмeнья и, безусловно, в IX в., а возможно, и ранее стало ядром расселения славян в Ильменском бассейне. Тем самым городищенская округа изначально развивалась в сгустке земледельческих поселений, где все более концентрировались верхи разлагающейся родоплеменной верхушки славянского общества. В течение IX в. поселенческое ядро в истоке Волхова постепенно приобрело роль центра складывающейся на севере Руси государственности. В этническом плане основную массу населения здесь составляли славяне, а среди аристократической прослойки общества — славяне и скандинавы, но последние играли значительно меньшую роль, чем в Ладогe.

¹³⁶ Носов Е. Н. Археологические памятники Новгородской земли VIII—X вв. — В кн.: Археологическое изучение Новгородской земли. Л., 1984.

¹³⁷ Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладогe в древнеславянской литературе. — КСИИМК, 1945, вып. XI, с. 51, 52; А. Г. Кузьмин вообще считает, что «ладожский вариант варяжской легенды» является первоначальным (Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 42—53).

¹³⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 40.

В этом формирующемся ядре Новгородской земли, вблизи рощища, основывается Новый город уже как столица Северной Руси, в котором с самого начала, и в этом совершенно прав Л. Янин, отчетливо проступают черты высокого социального положения его первопоселенцев.

Таким образом, мы считаем непосредственной причиной формирования центра Новгородской земли именно в истоке Волхова трогово-военное значение данного района, определившее военно-министеративные и трогово-ремесленные функции Рощища ка его главного поселения на начальном этапе в IX в. и функций Нового города как центра «новгородской волости» в последующем. Мы не видим оснований для заключений, что Новгород вырос из сгустка простых сельских поселений, из погоста, места поселения капища, кладбища и центра сбора племени, места, да свозилась дань. Это в отношении Новгорода признаки вторичные. Иначе говоря, мы полагаем, что выдвигаемый в новейшей советской историографии по истории Киевской Руси вывод, что древнейшие города на Руси возникли прежде всего на основе племенных или межплеменных центров, а отсюда преувеличенное подчеркивание общинного строя древнерусского города, его централизации (имеем в виду исследования А. В. Кузы, Ю. Г. Алексеева, И. Я. Фроянова и др.), в отношении Новгорода не может быть принят.

По нашему мнению, и сейчас сохраняют свою силу высказанные в свое время И. Б. Грековым соображения о возникновении древнерусских городов: «город есть населенный пункт, в котором сосредоточено промышленное и торговое население, в той или иной мере оторванное от земледелия»; «возникновение древнейших городов на Руси находит свое объяснение прежде всего в развитии ремесла, сбыта ремесленной продукции и, конечно, международной торговли, которую отрицать у нас нет никаких оснований»; «если в племени появились города, то это значит, что племени, как такового, уже не существует. Стало быть, и племенных городов» как особого типа городов как будто быть не может». ¹³⁹

Закончить статью нам хочется словами такого тонкого знатока древнерусской городской культуры, как Н. Н. Воронин, который, рассматривая пути становления городов в Древней Руси, отметил, что «этот процесс развивался не по единой „социологической формуле“, но имел несколько конкретных вариантов, и попытки подменить многосложность исторической действительности какой-либо одной схемой не помогут освещению вопроса». ¹⁴⁰

¹³⁹ Греков И. Б. Киевская Русь. М., 1949, с. 94—96.

¹⁴⁰ Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. — КСИИМК, 1951, вып. XLI, с. 9.